

ЕВГЕНИЙ ПАНОВ

Ветры странствий

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Евгений Панов

**Ветры странствий.
Публицистические очерки**

«Издательские решения»

Панов Е.

Ветры странствий. Публицистические очерки / Е. Панов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835554-7

Эта книга поведет вас от бурятского дацана, дома нетленного ламы Итигэлова, в православную республику Святой горы Афон, из потаенной столицы Европы Праги — в леса Беларуси, из казахской степи — на берега Волги, а оттуда — на греческий остров Корфу и в края Александра Македонского, и везде вы найдете нечто для себя неожиданное, потому что глаз автора зорек, а мысль остра и точна...

ISBN 978-5-44-835554-7

© Панов Е.
© Издательские решения

Содержание

Второе пришествие Итигэлова	6
Навстречу чуду	6
Земной путь	7
Жизнь после смерти	9
Что говорят эксперты	10
Постижение Пустоты	11
Два пути	13
В Иволгинском дацане	15
Левитирующий Будда	18
Встреча	20
Дорожные знаки	22
Резонанс	24
Социальная магия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ветры странствий

Публицистические очерки

Евгений Деонисович Панов

© Евгений Деонисович Панов, 2017

ISBN 978-5-4483-5554-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга поведет вас из бурятского дацана, дома нетленного ламы Итигэлова, в православную республику Святой горы Афон, из потаенной столицы Европы Праги – в леса Беларуси, с берегов Волги – на берега Эгейского моря, а оттуда – на греческий остров Корфу, на родину Александра Македонского, и, наконец, в Великую казахскую степь, где на Семипалатинском полигоне гремели атомные взрывы. Путешествуя с автором по громадным евразийским пространствам, вы увидите и узнаете то, чего еще не знали, встретите много неожиданного и интересного, потому что глаз автора зорек, а мысль остра и точна. Публицистика соседствует у него с впечатлениями странника, с лирическими страницами, с научными экскурсами, со строгими документальными подробностями, с историческими описаниями. Поэтому включенные в этот авторский сборник вещи нельзя представить в нескольких словах, они многомерны, многоцветны, они не укладываются в жесткие рамки – что делает их особенно интересными для любознательного читателя.

Второе пришествие Итигэлова

Навстречу чуду

Летим в Бурятию к Итигэлову. Нас в экспедиции двое – Маргарита Андреевна Кулакова, доцент Университета природы, общества и человека из подмосковной Дубны, да я. Неожиданным броском в Забайкалье мы обязаны бизнесмену Олегу Валерьевичу С-ву.

Будучи по делам фирмы в Улан-Удэ, он внял советам тамошних партнеров и съездил в Иволгинский дацан (монастырь) взглянуть на Великого Ламу. Увиденное произвело на него неизгладимое впечатление. Он проникся. Уверовал... Но Олег Валерьевич не был бы бизнесменом, если бы не задумался о практическом использовании феномена. Нет, не обязательно для банального извлечения прибыли. Чудо можно ведь использовать гораздо умнее. Поняв природу и механизм чуда, можно создать по их образу и подобию устройства, инструменты, методики, технологии. Если повезет, чудодейственные, прорывные... или просто хорошие – они все равно будут инновационными, ибо чудо и есть инновация. А потом организовать производство, внедрить технологии, тиражировать их и спокойно получать прибыль. Против этого Олег Валерьевич возражать бы, понятно, не стал. Бизнес есть бизнес, особенно когда он у тебя в крови.

Уже в Москве, зарывшись в Интернет в поисках объяснения феномена и разочаровавшись в десятках гипотез, он набрел-таки на предположение профессора Большакова из Дубны – пожалуй, единственное на сегодня, способное лечь в основу технологии. Бизнесмен разыскал Большакова и предложил возглавить научную экспедицию в Бурятию. Профессор, к его искреннему сожалению, сам поехать не смог, однако порекомендовал замену – доцента Кулакову. Олег Валерьевич попросил ее набросать программу исследований. Сформулировав их конечную цель как *«распространение необычайных свойств личности (ума и тела) Итигэлова в первую очередь на представителей человечества, функционирующих в экстремальных условиях (космонавтов, полярников, подводников, людей, борющихся за жизнь после катастроф, аварий, инфарктов, инсультов, находящихся в реанимации и др.)»* – Маргарита Андреевна вполне удовлетворила неясные стремления бизнесмена. Что-то такое он, собственно, и имел в виду. Поездка Кулаковой в Улан-Удэ была решена. А заодно и моя – как помощника в работе с приборами, а больше как составителя будущего научно-гуманитарного отчета.

И вот летим с Маргаритой бизнес—классом (спасибо Олегу Валерьевичу, не поспешил), настраиваемся на встречу с чудом.

Того, что мы уже знали об Итигэлове, было достаточно, чтобы понять: Великий Лама, точнее, его загадочно нетленное тело существует сейчас в трех ипостасях.

Первая ипостась, самая очевидная и массовая, доступная любому желающему приобщиться, любому читателю ежедневных газет и любому потребителю телепрограмм – ипостась неразрешимой загадки, обозначаемой в массовой культуре словосочетанием «невероятно, но факт».

Вторая ипостась – ипостась буддийской святыни, артефакта буддизма, доказывающего определенные положения доктрины, ипостась предмета культа, объекта паломничества и поклонения.

Третья ипостась – ипостась на редкость привлекательного объекта исследования, манящего ученых из разных стран.

При всем том феномен мирового значения Даши-Доржо Итигэлов когда-то был человеком. Он прошел в человеческом обличье достаточно длинный земной путь.

Земной путь

Его начало туманно. Директор Института Итигэлова в Улан-Удэ Янжима Васильева честно предупреждает, что версий биографии Великого Ламы три. И все можно подтвердить какими-то документами.

Согласно одной из версий, наиболее спокойной, в 1852 году в местности Улзы-Добо в семье бедняков появился на свет мальчик. Имя, данное ему при рождении, в сочетании с именем отца, – Даши-Доржо Итигэлов – означало «солнце и алмаз веры», что отвечало духу «золотого века» бурятского буддизма. Родители Даши-Доржо рано умерли, и мальчик стал воспитанником всей большой родовой семьи, как то и принято у бурят – здесь коллективно усыновляют сирот.

Вторая версия – появление будущего главы российских буддистов сразу пятилетним и как бы ниоткуда, поскольку матери Даши-Доржо вроде бы никто и никогда не видел и никаких свидетельств о ее существовании не сохранилось. Однако род отца был известен, поэтому мальчик, как и в первом варианте, был усыновлен семьей.

Третий вариант – полное сиротство будущего великого ламы (что для Бурятии нетипично), жизнь в пастушатах, череда связанных с мальчиком ранних предзнаменований, привлекавшая внимание лам...

Есть разночтения и в том, как оказался он Янгажинском дацане и начал обучаться премудростям буддизма. По одной версии, вера в свое высокое предназначение проявилась у Итигэлова рано и оказалась столь сильна, что в 15 лет он тайком ушел в ближайший монастырь. По другой, его отдали в обучение родственники, и как раз в ту пору в обитель приехал Захарай-лама, один из самых известных бурятских йогин. Он-то и увез Даши-Доржо в далекий Анинский дацан... С этого момента биография Итигэлова достаточно однозначна. Известно, что в этом монастыре Даши-Доржо обучался 23 года. Что за его содержание по просьбе настоятеля платили жители нескольких селений. Они же вносили плату за освобождение его от воинской повинности.

Анинский дацан, построенный в 1817 году, славился своей философской школой. О сверхъестественных способностях его йогин ходили легенды и предания: они могли мгновенно преодолевать огромные расстояния, пересекать реки и озера, не замочив ног. Во время медитации философы-буддисты уходили в нирвану, останавливая жизнедеятельность своего «грубого» физического тела, в то время как их «тонкие» тела функционировали так же, как и раньше. В таком состоянии под присмотром учеников они могли оставаться десятки лет, а затем возвращались. (Уже упомянутый Захарай-лама медитировал подобным образом с 1894 по 1916 год.) Некоторые из этих йогин были учителями Даши-Доржо Итигэлова.

Став доктором философии в Анинском монастыре, Итигэлов 8 лет изучал тибетскую медицину в Цугольском и Тамчинском дацанах. В 1898 году вернулся в Янгажинский дацан, где преподавал буддийскую философию и служил ламой. Через 6 лет он был назначен ширетум (настоятелем) дацана. При нем монахи вели огромную просветительскую работу, а в монастыре появились два новых храма. Итигэлов стал широко известен как автор 50 трудов по философии и фундаментальному сборнику рецептов тибетской фармакологии «Жор». Прославился он и как опытный йогин. По воспоминаниям современников, он мог насквозь видеть человека. Но и это не все.

Итигэлов был определен новым воплощением первого главы буддийской церкви России Хамбо-ламы Зияева. Тот родился в 1702 году и прожил 75 лет. Уходя в 1777 году, он пообещал землякам: «Я к вам вернусь ровно через 75 лет». А через 75 лет появился на свет Итигэлов, который в доказательство перерождения впоследствии отыскал ритуальные предметы, спрятанные Зияевым.

Незаурядные способности, обширные познания и неустанная деятельность Итигэлова были оценены по достоинству – весной 1911 года его избрали XII Пандито Хамбо-ламой, то есть главой буддийского духовенства Восточной Сибири.

В 1913 году Хамбо-лама участвовал в торжествах по случаю 300-летия дома Романовых и 21 февраля 1913 года провел первую службу в Санкт-Петербургском дацане.

С началом Первой мировой войны по его инициативе создается «Общепурятское общество», собиравшее деньги, продукты и лекарства для фронта. В 1915 году глава буддистов организует сбор пожертвований в дацанах. Эти деньги пошли на помощь раненым и семьям погибших. В госпитали, где лечились раненые буряты, Итигэлов посылает лам-врачевателей.

Летом 1917 года Итигэлова избрали председателем II Общепурятского съезда. Через месяц из-за болезни он сложил с себя полномочия главы буддистов и вернулся в Янгажинский дацан. Избавившись от суетных административных обязанностей, Итигэлов создает комментарии к сочинению «Дэмбэрэл Додба», написанному в XV веке Богдо Зонхавой. Буддисты полагают, что Итигэлов «сделал всесторонний и качественный анализ Пустотности и достиг прямого постижения Пустоты – Великой реальности всех явлений». Согласно доктрине буддизма, именно овладение Пустотностью позволяет йогинам демонстрировать свои сверхъестественные способности.

15 июня 1927 года Итигэлов объявил своим ученикам о решении уйти из этой жизни. «Придите ко мне через тридцать лет, – так, по преданию, сказал он. – И еще через тридцать. А еще через 15 поднимите из могилы». Затем он попросил учеников читать над ним особую молитву – благопожелание умершему, – а сам в позе лотоса принялся медитировать. Смущенные ученики не решились приступить к молитве – ведь их учитель был жив. Тогда Хамбо-лама сам начал молитву, и ученикам пришлось ее подхватить. Спустя несколько дней, убедившись, что Учитель не подает признаков жизни, ученики похоронили его на обычном родовом кладбище.

Жизнь после смерти

Так заканчивается земная биография Итигэлова. И начинается посмертная.

В 1955 году, – не через 30, а через 28 лет, – XVII Пандито Хамбо лама Дармаев принял решение выполнить волю Итигэлова и поднять саркофаг с его телом. Выяснилось, что его не тронуло разложение – тело осталось в нетленном состоянии. «В районе сердца чувствовалось тепло», – отметили участники церемонии. Тело переодели, вновь поместили в деревянный короб, вновь засыпали солью и вновь закопали. В 1973 году – еще через 18 лет – XIX Пандито Хамбо лама Жамбал Доржо Гобоев вновь поднял саркофаг и вновь убедился в неизменности состояния тела Итигэлова. Его снова переодели, снова заменили соль и снова похоронили.

В 1998 году в библиотеке Иволгинского дацана нашли послание Хамбо-ламы Итигэлова. Со старомонгольского на русский язык его перевел XXIV Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев. Буддисты считают, что это очень важный документ. По их мнению, он нуждается в серьезном изучении и квалифицированном комментарии. Но и без того отдельные строки послания потрясают. Итигэлов будто предвидел, что всех нас ждет, и пытался предостеречь от неверных поступков, направить на путь истинный:

«Будьте чистыми среди моря грязи опасного смутного времени... Богатства, безумно собранные и накопленные, превратятся в особый яд и будут бесполезными... Бесстрастно изучив земную жизнь, начинайте с сегодняшнего дня Практику Десяти Благих Деяний – незамедлительно!»

После находки послания священнослужитель из Иволгинского дацана Бимбо-лама предложил поднять тело Итигэлова. По людской молве, во время медитации ему явился сам Хамбо-лама и попросил об этом. Верна ли молва, монах говорить отказывается: «Мое сокровенное станет известно, когда я уйду в другой мир».

В 1999 году буддисты Бурятии стали обсуждать вопрос о том, как выполнить «завещание» Итигэлова: близился названный им 75-летний срок. Через три года Д. Аюшеев принял решение о подъеме тела. Не исключено, что тут сыграли свою роль предзнаменования. Весной 2002 года на озера у Анинского дацана вернулись белоснежные лебеди, которых здесь давно никто не видел. В то же время неподалеку от места, где раньше находился Янгажинский дацан, выросли в голой степи бок о бок черемуха, шиповник и смородина. А в местности Шунгэтэ в небывалую засуху поднялся полукругом необыкновенно высокий и красивый шалфей. И, наконец, 30 августа 2002 года на развалинах Анинского дацана, там, где ранее во время раскопок археологи ничего не нашли, ламы отыскали под большим камнем статуэтки трех Будд – прошедшего, настоящего и будущего.

В сентябре 2002 года 80-летний житель села Гильбира – единственный из оставшихся в живых, кто мог найти могилу, указал Д. Аюшееву место захоронения. С согласия родственников 10 сентября 2002 года в присутствии лам и светских лиц был произведен подъем кедрового короба, в котором находилось тело. При этом совершались требуемые ритуальные действия. Затем тело перевезли в Иволгинский дацан и поместили в девашин-дуган – «райское место», находящееся на втором этаже храма.

Там оно и пребывало в своем загадочном посмертном существовании, как мощный магнит притягивая ученых разных стран.

Что говорят эксперты

Интернациональная наука собиралась бросить на изучение феномена самые современные методы и средства, но все приезжавшие в дацан эмиссары к своему удивлению и даже негодованию неизменно получали отказ. Не помогали ни громкие имена корпораций и университетов, ни репутация, ни готовность платить. Очень ограниченный анализ разрешили сделать очень немногим российским исследователям. По сути, он не выходил за рамки обычной судебно-медицинской экспертизы и простейших замеров с помощью термометров, регистраторов разного рода излучений (вибраций), а также стеганострофических инструментов – маятника и рамки, но последние к научным исследованиям не относятся, не могут считаться объективными и не признаются академическим сообществом.

По заключениям врачей и судмедэкспертов, тело Итигэлова выглядит так, будто лама скончался не более 12 часов назад: кожа упругая, суставы подвижны. Температура тела – 20 градусов по Цельсию, что уже не позволяет считать ткани живыми в полном смысле слова, как и желеобразное состояние крови, отсутствие дыхания, пусть даже чрезвычайно редкого, которое наблюдается у продвинутых йогов, фактически останавливающих обменные процессы и надолго погружающихся в глубокую медитацию. При этом переднее стекло стеклянного «аквариума», где находится тело, иногда запотеваает изнутри, что было бы возможно при выделении влаги при дыхании или потоотделении. У Итигэлова целы глаза и уши, теплые руки – у тех, кто прикасается к ним, возникает ощущение, что они теплее их собственных рук.

В Москву на экспертизу были переданы образцы волос (те, что сами упали с головы), кожи, которая сама отшелушилась, и крохотный кусочек ногтя с ноги Итигэлова. При сравнительном анализе с аналогичными образцами, взятыми у живых людей, оказалось, что органика тела соответствует органике контрольных образцов, то есть белковая структура не нарушена.

Чтобы понять, применялись ли для сохранения тела какие-либо консерванты, были проведены исследования химического состава образцов. Их сравнивали с образцами мумий, обнаруженных при раскопках под Манежем. Выяснилось, что консерванты не использовались. В образцах тканей Итигэлова отсутствуют железо и цинк, что поразило исследователей. Зато содержание брома повышено. Оно повышается у людей, живущих в районе солончаков. А Итигэлов, как известно, жил в Янгажинском дацане, окруженном солончаками.

Последнее исследование ядра клетки ядерно-резонансным методом (его проводили военные медики) показало, что клетка жива и ядро цело. На этом в 2005 году биомедицинские исследования феномена Итигэлова были остановлены, скорее всего, из-за скандального случая (в бульварную прессу попали фотографии ламы без одежды, сделанные по просьбе антропологов), образцы тканей (биоматериал), без которых дальнейшее изучение феномена невозможно, возвращены в дацан. За состоянием тела наблюдает врач, он же невольный исследователь – А. Ю. Ажеев. Хранитель Бимбо-лама ежедневно проводит у тела специальные службы и четыре раза в год меняет одежды Итигэлова. По утверждению хранителя, перед этой процедурой суставы Учителя становятся подвижнее, а от его одежды и тела исходит запах благовоний. Термометр, установленный в саркофаге, порой показывает температуру на один-два градуса выше, чем в помещении.

Постижение Пустоты

Продолжится ли изучение феномена средствами современной науки, прежде всего, приборными, решать буддийским иерархам России. А они, по-видимому, не очень в этом заинтересованы.

Во-первых, они не нуждаются в научном объяснении феномена. У них есть собственное. Его в июле 2007 года на первой международной конференции «Феномен Пандито Хамбо-ламы Итигэлова» озвучил глава буддистов России Дамба Аюшеев. По его словам, в 20-е годы прошлого столетия Хамбо-лама Итигэлов проводил ритуал вложения 5 священных сосудов для духов земли, хозяев местности. При этом он ни разу не коснулся земли, именно поэтому великая стихия хранит его тело. «Хамбо-лама попросил верующих, чтобы во время проведения ритуала его не опускали на землю (во время ритуала ученики несли его на руках). Вот одна из причин того, что не изменилось его тело», – сказал Дамба Аюшеев, ибо, таким образом, согласно буддистским представлением, Хамбо-лама постиг Пустоту – великую реальность всех явлений. За счет этого, уходя из жизни, он смог в состоянии медитации очистить свое тело до такой степени, что оно сохраняется даже после смерти. Положение тела в позе лотоса, когда позвоночник держит туловище в вертикальном положении, говорит о силе пустоты внутри. О внутренней пустоте свидетельствует и гармоническое химическое состояние тела.

Во-вторых, буддисты получили именно то чудо, которого всегда ждали и которое может в полной мере оценить только буддизм. Именно посмертное сохранение человеческого тела они считают чудом из чудес. Такой взгляд определяет буддистская доктрина. Она, упрощенно говоря, утверждает, что жизнь человека объединяет 5 видов движения.

Движение форм, то есть членов тела и тела в целом как формы.

- Движение органов чувств.
- Движение ума (мысли).
- Движение размеров и качеств (или – смена качеств, появление и исчезновение качеств).
- Движение сознания (сунсэ) или неиссякаемой души.

Сохранение тела в прижизненном виде после смерти нарушает 4-й пункт Закона феноменальности, устанавливающего движение качеств. А закон, как известно неотвратим. Преодолев его, Итигэлов совершил нечто немыслимое, чудесное. Ибо: оставить после себя плоды своих деяний – обычное для человека дело; обычное дело – оставить свои мысли, плоды своего ума, произведения литературы, искусства; с недавних пор стало обычным оставлять свое изображение и голос; но оставить тело – поистине невозможное дело. Поэтому, если Итигэлов первым из людей (других достоверно, документально и разнообразно зарегистрированных случаев история не знает) сумел сделать самое трудное, поистине невозможное, то, значит, в теле должны сохраниться частицы того остального, что обычно оставляет после себя человек: сознания, ума, речи, и плодов деяний. Мы пока просто не можем уловить влияние этих частиц. Из-за чего? Из-за своего невежества.

В-третьих, обретя нетленное тело Итигэлова, буддисты, согласно своему учению, получили уникальную возможность свободного перемещения в пространстве, что позволяет им достичь Шамбалы и других святых мест Вселенной. Ибо, по утверждению Будды Нагараджуны, если почитаемое тело Ламы разрушилось и исчезло, то вселенная для нас имеет границу. А вот если мы когда-нибудь сумеем искренне почтить Драгоценное Тело Ламы, которое не разрушилось и не исчезло, то для нас вселенная не будет иметь предела.

В-четвертых, буддисты считают, что Итигэлов пришел, чтобы сострадать всем нам, живущим, и чтобы *«дать каждому возможность полнее раскрыть потенциал своего ума, скрытый*

в нас за нашим же невежеством». Таким образом, его миссия и способы ее осуществления не имеют никакого отношения к науке. Под невежеством здесь, скорее, понимается не научное, а духовное, философское, мировоззренческое невежество, которое не устраняется точными физическими, химическими и биохимическими исследованиями.

Вместе с тем, буддистские иерархи понимают, что у науки свои резоны, что многими учеными движет чистая страсть к познанию. *«Для общества буддистов и ученых наступил тот момент истины, когда мы, в первую очередь – для себя, решаем, как быть с этим феноменом» (Д. Аюшеев).*

Решение о прекращении сотрудничества с наукой объясняется, впрочем, не только этическими, мировоззренческими и религиозными причинами. Дело еще и в том, что феномен Итигэлова с большим трудом вписывается в панораму современного мира. Буддисты не без оснований опасаются, что международная наука, лишенная каких-либо нравственных принципов и представлений о добре и зле, может растащить феномен, что называется, по волоску. Возможно, этого не произойдет ни при каких обстоятельствах, поскольку артефакт способен защитить сам себя – как защитила Туринская плащаница, мощи православного святого Александра Свирского или статуя Сандалового Будды в Бурятии. Но это лишь предположение, поэтому нелишне принять меры по защите тела. По крайней мере, оградить его от настойчивого интереса со стороны представителей западной рыночной науки. Что и делается.

Наконец, буддистская конфессия – такой же мирской институт, что и прочие конфессии. Она имеет очевидные материальные интересы. Став объектом паломничества для всей буддийской ойкумены, и не только для нее, феномен стал источником денежных поступлений (подношения паломников, текущие рекой в дни доступа к телу) и послужил серьезному усилению влияния и власти ламаистского духовенства.

Два пути

Итак, как следует из высказываний высших буддистских иерархов России, феномен Итигэлова не тревожит буддистов, не вызывает у них вопросов, словно все они вслед за Учителем достигли полной ясности в результате постижения Пустоты и приблизились к нирване. Обретя нетленное тело ламы, они, наконец, дождались преодоления Закона движения качеств, чего давно и смиренно ждали. Предреченное великими йогинами чудо произошло и укрепило веру в истинность учения.

Что ж, буддистам можно было от души позавидовать. А всем небуддистам – посочувствовать. Потому что у них феномен Итигэлова по-прежнему вызывал лавину домыслов, сомнений, вопросов. Небуддистов – а их на планете все-таки больше, чем буддистов – концепция Пустотности и прочие перлы чужой мудрости устроить не могли. Не могла устроить мистическая аура чуда. Это, отнюдь не молчаливое, большинство устроила бы только рационализация чуда. Большинство не возражало бы против разложения его на элементы и элементики, если бы такой анализ позволил подвести под чудо прочный материальный фундамент. И подвести его была обязана наука.

Да, разложением целостного мира на частности занимается именно современная наука. Затем она трансформирует частное знание в технологии, годные для практического, повседневного, бытового использования. Технологии изменяют окружающий мир, дают все новые и новые вещи, товары, услуги, новые лекарства, новый комфорт, новые автомобили, новые развлечения. Не ждать милостей от природы, а взять их у нее – вот, в представлении большинства, задача науки, больше того, смысл ее существования. Взять по-хорошему. Или – силой, в том числе силой рынка, силой денег.

Религиозный путь познания противоположен. Он ведет к изменению не окружающего мира, а самого человека. Духовные практики (их также не возбраняется назвать технологиями) направлены на преобразование не внешнего, а внутреннего пространства, пространства личности. Комфорт, здоровье, отдохновение – все таится внутри нас, ибо человек создан по образу и подобию Божьему, и достигается усилиями практикующего. Стучащему да откроется, хотя отнюдь не сразу... бывает, что вообще не открывается: религиозный путь долог, труден, а успех не гарантирован.

Не знаю, как у моей спутницы Маргариты Андреевны, но у меня на душе в ожидании встречи с Итигэловым было не совсем спокойно. А если сказать откровенно, душа моя была смущена. Я понимал резоны лам, прекративших научные исследования феномена, включая те резоны, о которых не говорилось публично. Не говорилось, например, о далеко не безоблачных отношениях между наукой и религией, но ведь очевидно, что никакого особого почтения к науке у буддистов нет и быть не может, хотя бы по той элементарной причине, что официальная наука большей частью ведет себя по отношению к религии высокомерно, пренебрежительно и в иные моменты, к своему стыду, присоединяется к армии гонителей религии... Поэтому для исследования феномена, скорее всего, потребуются какие-то новые организационные структуры, новые формы взаимодействия ученых и духовенства, основанные на новых принципах сотрудничества религии и науки в деле познания мира, какое-то до сих пор не найденное сочетание самых разных методов изучения и описания реальности из арсеналов позитивизма и мистицизма. Если, конечно, исследования есть смысл продолжать.

На наш с Кулаковой взгляд, а также на взгляд тех, кто задумал и финансировал экспедицию, это было необходимо. Не только потому, что пытливый человеческий ум не успокоится до тех пор, пока не получит устраивающий большинство ответ на вопрос «что это такое?» Главное, на основе информации, которой – при точных и честных подходах – рано или поздно должен «поделиться» Итигэлов, удастся создать технологии помощи больным и попавшим в беду

или в экстремальные ситуации людям, специалистам опасных профессий, короче, новые мощные технологии жизнеобеспечения. Для этого совсем не обязательно разбирать чудо по винтикам. Не обязательно докапываться до его природы – по-видимому, пока она останется тайной. На первых порах достаточно понять механизмы его функционирования – ведь именно они станут основой технологий. Не узких технологий, базирующихся на частном знании, а многоцелевых интегральных технологий, в фундамент которых ляжет системное, интегральное знание, до поры, до времени сокрытое в феномене.

Изучению механизмов должна была поспособствовать составленная Маргаритой Андреевной и утвержденная Олегом Валерьевичем программа. Предполагалось, например, проанализировать измерения наблюдавшего за телом Итигелова врача А. Ю. Ажеева (если он согласится, в чем никакой уверенности не было). Большие надежды возлагала Кулакова на специальное исследование звуковой и буквенной структуры особой молитвы – «Благопожелания умершему». Следовало произвести звуковую запись молитвы, определить ее частотные составляющие при произнесении одним ламой и группой лам, а затем, во-первых, рассчитать соответствие этих составляющих частотным характеристикам космического пространства, и, во-вторых, сравнить волновые характеристики «Благопожелания» с волновыми параметрами молитв, читаемых в процессе ежедневных специальных служб. Предстояло также произвести измерение звукового фона дацана до чтения молитв, во время их чтения и после чтения. Работа с шумомером в разных местах дацана, по идее, не должна была вызвать возражения хранителей, а вот непосредственная работа возле тела Итигелова, на мой взгляд, была под большим вопросом. Нам, скорее всего, не разрешат измерить тепловизором световой фон около саркофага, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться датчиком прибора к телу...

В Иволгинском дацане

Так и вышло. При первой же встрече в Улан-Удэ директор Института Итигэлова Янжима Васильева сказала, что буддистские иерархи недвусмысленно программируют ее на отказ от любых контактов, особенно, с журналистами и, конечно же, учеными. «Два раза обязательно откажи, – наставляют Васильеву, – если придут в третий раз, тщательно разберись в чистоте помыслов и только потом решай, но если есть предлог отказать – откажи и в третий раз». О контакте с самим артефактом не может быть и речи, сказала Янжима Дабаевна, попутно отказав в возможности каких-либо измерений и прочих манипуляций вблизи тела. И в первый раз, и во второй, и в третий. Против, по словам Васильевой, были все: Гунчен лама – настоятель Иволгинского дацана, Ганжур лама – председатель Совета Института Итигэлова, Бимба лама – главный хранитель тела. (Не знаю уж, советовалась ли с ними Янжима Дабаевна или приняла решение самостоятельно, следуя их же наставлениям.)

Но сама-то встреча с Итигэловым состоится? – несколько обескуражено поинтересовались мы. Она-то, надеемся, возможна?.. Состоится. Накануне и в день Этигэл Хамбын Хурала, посвященного обретению одной из трех главных святынь буддистов России – нетленного тела Великого Ламы. Хурал открывается послезавтра вечером. А в оставшиеся два дня вам будут интересно подробнее познакомиться с Иволгинским дацаном, где находится Итигэлов, и съездить в Эгитуйский дацан поклониться второй главной святыне – Сандаловому Будде.

Надо заметить, что Институт Итигэлова, контролирующий доступ к чуду, функционировал на нормальных рыночных принципах. Знакомство с Иволгинским дацаном и поклон Сандаловому Будде стоили денег, и не таких уж маленьких. Возможно, они оказались бы не по карману какому-нибудь обычному кандидату наук, с трудом выбившему командировку в своем НИИ. Но наш Олег Валерьевич, хвала его бизнесу, все предусмотрел, нам было чем заплатить за «Тойоту», сопровождение и экскурсовода.

В роли последнего нам с Маргаритой Андреевной явился лама Эрдени. Невысокий, худой, стриженный, как и положено, наголо, закутанный в «форменную» бордовую тогу и внешне совершенно беспристрастный. Наверно, из-за щуплости он сначала показался мне совсем молодым, потом я решил, что ему лет около сорока, затем – что примерно тридцать... Впрочем, в каком бы возрасте не пребывал Эрдени, именно он стал нашим гидом в предстоящем паломничестве. Да, обойти дацан по периметру хотя бы раз – значит совершить паломничество. Для этого не обязательно быть буддистом. Вращая молитвенные барабаны, обращаясь с искренними словами к Всевышнему возле ступ-субурданов, паломником становится и буддист, и православный, и мусульманин, и иудей – каждый, молящийся своему богу, и всякий, называющий себя атеистом.

При жизни Великого Ламы Иволгинского дацана, где теперь нашло приют его нетленное тело, еще не было. Обитель заложена в 1945 году. Место, как известно из легенды или исторических хроник, указала лошадь, нагруженная священной поклажей – томами полного свода Учения Будды Шакьямуни. Обычно покорное животное вдруг встало как вкопаное и сдвинуть его с места не удалось никакими силами. Так что ламам, делать нечего, пришлось учредить на этом месте монастырь.

Сегодня Иволгинский дацан, расположенный в 40 километрах от Улан-Удэ, – центр бурятского и, наверно, сибирского буддизма, резиденция первых лиц иерархии. Да и прочая монастырская братия совсем не проста. Обитающие в дацане ламы – отнюдь не «чернецы», а профессионалы высокой квалификации: астрологи, тибетологи, врачи, знатоки ритуалов и обрядов, преподаватели, художники, работающие по буддийской иконографии – танкографии.

С 1993 года здесь работает единственный в России Буддийский университет, имеющий соответствующую лицензию и подтвержденный Министерством образования РФ университетский статус. Большая часть студентов, а их 150 человек, – буряты. Есть также тувинцы, хакасы, калмыки, есть даже белорусы и украинцы, но это «белые вороны». Студенты занимаются на четырех факультетах – философском, тантрическом (он готовит специалистов по ритуалам), тибетской медицины и танкографии. Накопленный за века опыт свидетельствует, что буддистские науки надо изучать минимум 16 лет, говорит наш гид Эрдени, но по государственным программам в России студенты должны учиться не более пяти лет. Этого совершенно недостаточно – предмет обширен и сложен. Поэтому будущие ламы едут доучиваться за границу, в известные буддийские центры.

Университет не случайно открыли именно в этом дацане. Во-первых, здесь богатейшая библиотека, где не редкость книги старше 500 лет. Во-вторых, здесь растет священное дерево Боддхи. Это дерево, больше похожее на густую зеленую рощицу, живет в стеклянном домике с особым микроклиматом посреди монастыря. В 70-е годы саженец Боддхи – дар Далай-ламы бурятским буддистам – привезли из Индии. Считается, что оно ведет начало от того дерева, под которым медитировал основатель буддизма, где принц Гуатама, достигнув просветления, стал Буддой из рода Шакья, то есть Буддой Шакьямуни. Дерево Боддхи обладает магической силой и целебными свойствами и используется в тибетской и монгольской медицине. Но что особенно интересно, оно очень хорошо чувствует нравственную атмосферу в том месте, где растет, позволяет ее контролировать и своевременно корректировать. Если атмосфера напрягается, если помыслы людей становятся нечистыми, если появляются раздражение, зависть, злоба, если нападает умственная лень и берет верх невежество, листья обвисают, вянут. Это безошибочный знак неблагополучия. И, с ответственно, сигнал к действию.

В укромных местах дацана построены домики для медитации, с виду – вылитые деревенские баньки. Их лама Эрдени показывает нам издали, чтобы ненароком не нарушить сосредоточенное уединение медитирующих – ступивших на путь студентов третьего, четвертого и пятого курсов. Их медитации идут по принципу «бун ши» – «четыре стотысячных», когда четыре назначенных учителем упражнения (или «элемента») выполняются по 100 тысяч раз каждое. Студенты, готовые к тяжкому труду медитации, получают ее программу вместе с благословением наставника, который знает способности ученика, представляет его состояние и никогда не даст непосильного задания. Студенты делают только то, говорит Эрдени, что пойдет им на пользу и будет способствовать духовному росту. Они обещают своим учителям, что пройдут через предстоящие испытания до конца и будут соблюдать все данные обеты – молчания, неупотребления мясной пищи и прочие.

Приступая к медитации, студент выполняет обязательный ритуал: огораживает домик флажками, тем самым сообщая всем, что практика самосовершенствования начинается. Эти считающиеся «предварительными» каждодневные штудии растягиваются на три месяца. Что они включают? Например, начитывание каких-то определенных текстов, скажем, мантр. Выполнение ритуала «подношения даров», скажем, в виде мандал. Как правило, студент изнуряет себя «простирациями», то есть особым образом распластывается на полу. И все это по 100 тысяч раз, стараясь отключить все мысли и «уйти в Пустоту»... В этом, собственно, и состоит цель, а упражнения лишь помогают ее достичь. Начинаящий может оставаться «в Пустоте» не более 20—30 секунд, больше опасно. Продолжительность «ухода» увеличивается по мере обретения контроля над телом (в результате физического очищения) и разумом (посредством очищения умственного) и наращивания духовной и витальной силы. Минута, три минуты, час, сутки «в Пустоте» – вот ступени совершенствования, медленного и упорного приближения к нирване.

На этом подвижническом пути ученик находится под покровительством тантрических божеств. Их гневные лики смотрят с буддистских икон, их головы увенчаны пятью черепами –

символами пяти смертных грехов буддизма. Первый – мать всех пороков лень: душевная, умственная, телесная. Второй – порожденное ленью невежество души, ума, тела и сопровождающая их тупость. Следствие невежества и тупости порождает сначала зависть к умным и образованным, а потом и ненависть к ним, то есть третий и четвертый грехи. Пятый грех – гордыня, которой неизбежно проникается носитель четырех предыдущих грехов. Тантрические божеества гневны, потому что грехи тяжелы. В образе этих гневных существ и должен представлять себя медитирующий ученик, выжигая гневом собственные лень, невежество, тупость, зависть, ненависть и гордыню.

Рассказывая об ученических медитациях, лама Эрдени, видимо, вспомнил свои студенческие годы, 100 тысяч своих «простираций и даже несколько утратил бесстрастность и суровость. Путь, ведущий к заветному (и очень далекому) просветлению потребовал от него последовательного обязательного отказа от обыкновенных житейских радостей. Удаляясь для медитации студентом, он давал немногие обеты ученика. Переход на ступень начинающего монаха сопровождается принятием 16 обетов, в том числе обета безбрачия. На ступени монаха дается 36 обетов, полного монаха – 256 обетов, тогда как для мирянина рекомендованы лишь пять запретов: не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не употреблять одурманивающие вещества и не лгать... Я представил себе жизнь, подчиненную двум с половиной сотням добровольных ограничений, и мысленно поежился. Хотя, возможно, 256 запретов – это 256 дополнительных шансов на эволюционный рост...

...Меж тем наше путешествие по периметру дацана подошло к концу, однодневное паломничество – с вращением молитвенных барабанов, кормлением косуль, зажиганием маленьких масляных лампадок, которые заменяют здесь привычные нам свечи, – закончилось. Напоследок Эрдени подвел нас к буддийской ступе.

Эти ступы, или субурданы, встречаются в Бурятии повсюду. Так и должно быть: они показывают, что на этой земле исповедуют буддизм и что Бурятия – именно такая земля. В субурданы закладывают мощи будд, прах лам, драгоценности, тексты Священного Писания и много чего другого. Субурданы освящают, а они потом сами освящают местность, где находятся. Они обладают благой энергетикой. Над ними видна сияющая аура. Возле них всегда можно видеть отдыхающих животных, на них садятся птицы. Вблизи субурдана хищники не трогают травоядных.

Человек, продолжал Эрдени, должен постараться представить ступу в образе Будды, ибо она и есть символ Будды, и, загадав благопожелание, обойти вокруг нее по часовой стрелке и активизировать четыре верхние чакры. Это то непонятное для европейцев действие, когда сложенными по-буддистски ладонями прикасаются к темени (которому в энергетическом теле соответствует чакра сахастара), ко лбу (аджна), к горлу (вишудха) и к груди (анахата). Потом к субурдану нужно прислониться лбом, посылая из аджны сформулированную мыслеформу-желание. Если вы точно следовали ритуалу, были искренни и благорасположены к миру и к людям, оно обязательно сбудется. Но не сразу...

Пока лама Эрдени все это рассказывал, на ступу сел голубь – обыкновенный сизарь – и направился в нашу сторону. Подошел на расстояние вытянутой руки и, явно адресуясь к нам, что-то ласково сказал на своем языке...

Левитирующий Будда

До Эгитуйского дацана, где хранится Сандаловый Будда, от бурятской столицы часа три езды – сначала речной долиной, потом обрамленной сопками степью. Дорога, на удивление, сносная, однако чем дальше от Улан-Удэ, тем больше трясет и подбрасывает, и к тому моменту, когда наш гид и шофер Николай съехал на проселок, ведущий к какому-то большому поселку, мы почти потеряли терпение. Миновав Дом культуры, школу, поликлинику, двухэтажное административное строение под российским флагом и несколько улиц, ощупью перебравшись по полусгнившему мосту через речушку, «Тойота» снова вырвалась в степь и устремилась к гряде сопки. На боку одной из них белел субурдан, указующий местоположение обители.

Эгитуйский дацан «Дамчой Равжелинг» был образован в 1826 году. Место для него подбирали старейшины здешнего рода с помощью астрологов. Последний раз монастырь перестраивали, достраивали и ремонтировали в 1900 году. Его нынешний вид мало отличается от того, который он имел в начале XX века. На фотографиях в Музее истории Бурятии можно видеть те же дуганы и сумэ – храмы внутри периметра дацана, те же деревянные домишки вокруг и, наконец, те же сопки, в здешнем восприятии вполне живописные... Странно, что ценнейшая реликвия, культурное сокровище мирового значения осело в этой сонной глуши. Но так уж сложилось.

Статуя, называемая Зандан Жуу, – это, гласят легенды, прижизненное изображение Будды Шакьямуни в возрасте 38 лет. История ее появления, согласно индийским, тибетским и китайским источникам, такова. Некий индийский царь пожелал иметь изображение Будды и попросил изваять статую одного из ближайших учеников Шакьямуни Маудгальяну. Тот вместе с 32 искусными ремесленниками, использовав свои сверхъестественные способности, поднялся в страну Тридцати Трех Небожителей, где в то время пребывал Будда. Мастерам было благосклонно разрешено обозревать его лик, но исходящий от него ослепительный свет мешал запомнить черты Учителя. Тогда тот встал во весь рост на берегу реки. На водной глади показалось изображение, которое мастера, трижды измерив и проверив, запечатали в своих умах. По возвращении в мир людей они, полностью полагаясь на память, сотворили священную статую из сандалового дерева гоширга. Когда Будде настал срок снизойти из царства Тридцати Трех небожителей, то сандаловая статуя вознеслась ему навстречу на высоту в шесть шагов и трижды склонила голову в знак приветствия и почтения. Шакьямуни возложил правую руку на голову статуи и чрезвычайно похвалил мастеров, передавших точную схожесть с ним.

Сандаловое изваяние находилось в Индии 1285 лет, а потом было перевезено в «страну Зина», то есть в буддистскую часть Китая. Там статуя побывала во многих городах и храмах, у многих императоров многих династий. Затем она оказалась в Бурятии. Как и когда? На сей счет существует несколько версий. Согласно одной из них, в смутное время «боксерского» восстания в Китае ламы Эгитуйского дацана при поддержке всего духовенства и даже служащих российского консульства в Пекине приложили все силы, чтобы выкупить Сандалового Будду, и с риском для жизни привезли его в монастырь. Здесь статуя находилась до 1935 года, а когда начались гонения на буддизм, разрушение дацанов, ссылки и расстрелы лам, была тайно – и тоже с риском для жизни – вывезена в Улан-Удэ сотрудниками Антирелигиозного музея. Затем более чем на полвека Сандаловый Будда затаился в запасниках Музея истории Бурятии, находившихся, что символично, в бывшем православном Одигитриевском соборе, а 25 сентября 1991 года вернулся на вертолете в тишину Эгитуйского дацана.

...И вот он перед нами. Вернее, это мы перед ним. Ему примерно 2550 лет. Он двухметрового роста. У него непередаваемо спокойное лицо, большие руки. Глаза и особенно уши – странной формы. Родившись в человеческом обличье, принц Гаутама, возможно был человеком какой-то иной породы или расы (этот вопрос подробно исследован в книгах офтальмолога,

путешественника и исследователя древних цивилизаций уфимца Эрнста Мулдашева). В сутре «Драгоценная гирлянда» статуя Зандан Жуу описана так: в знак предводительства всех живых существ к Побуждению, очи изваяния обращены к небу; в знак спасения всех живых существ от искушений этого бренного мира правая рука запечатлена в жесте, дарующем спасение; в знак готовности прийти на помощь всем живым существам и искренности этого намерения, Будда поставил ноги ровно и стоит твердо. В области сердца, продолжает сутра, истинно чувствуется тепло (размером с волосинку), а между ногами и подставкой можно продеть шелковый шнур...

Сандаловый Будда левитирует – об этом перед поездкой говорила нам и Янжима Васильева. Приподнимается над полом и зависает... Он и правда летает? – спросили мы сопровождающего – местного молодого монаха или, может быть, ламу, на беду, удивительно плохо для Бурятии говорившего по-русски. «Летает, летает», – закивал тот. И это можно увидеть? «Сейчас – нет». Почему? Из объяснений удалось понять, что левитация наблюдается только во время богослужений, когда ламы начитывают тексты Писания или произносят мантры... Богослужения в ближайший час не предвиделось, поэтому оставалось верить в чудо на слово. Потрогать статую, чтобы ощутить «волосинку» тепла в области сердца, мы тоже не могли. И здесь приходилось просто верить...

Словно почувствовав наши сомнения, монах предложил «предстать пред ликом Будды». Надо было встать в определенное место метрах в трех от статуи, закрыть глаза, расслабиться и постараться ни о чем не думать – по удачному выражению парапсихолога Валерия Авдеева, «остановить словомешалку ума». Первой, по праву женщины, к тому же ученой, к эксперименту приступила Маргарита Андреевна. С минуту она стояла неподвижно, потом стала с закрытыми глазами раскачиваться вперед-назад, превратившись в большой живой маятник, все увеличивающий и увеличивающий размах колебаний. «Сейчас упадет», – испугался я, однако Маргарита сумела затормозиться около вертикали. Было заметно, что далось ей это не без труда. Открыв сонные глаза, она непослушными губами сказала, что «стала куда-то улетать», но решила остаться. Куда «улетать», она не поняла, то, что превращалась в маятник, не знала...

То же самое произошло со мной. Удивительно, но я тоже совершенно не ощущал, что качаюсь на прямых ногах взад-вперед и вот-вот упаду. Как и Маргарита, борясь с мгновенно навалившимся трансом, я вырывался и затягивающей пугающей бездны. И вырывался, повернул назад с порога неведомого.

Может быть, Сандаловый Будда готов был приоткрыть перед нами краешек своих миров, но мы опасливо отказались от дара.

Встреча

День встречи с Великим Ламой начался для нас не в Иволгинском дацане, а в 70 километрах от Улан-Удэ, в местах, где он то ли родился, то ли возник сразу пятилетним. В любом случае он жил здесь в маленьком домишке, пас скот и однажды, по преданию, появился верхом на коне с человеческим черепом, надетым на кол, что было истолковано ламами как предзнаменование необычной судьбы. После возвращения Итигэлова в 2002 году в этих местах построено нечто вроде мемориала. На небольшом огороженном штакетником участке теснятся субурдан, колодец и деревянный домик. Ступа знаменита тем, что визиализируется не в образе абстрактного будды, а в образе Итигэлова, вода из колодца обладает целебными свойствами, а домик похож на тот, в котором либо явился на свет, либо просто жил маленький Даши-Доржо.

Хурал начался в 9 часов утра и плавно перетек в спортивный праздник «Эрын Гурван Наадом», на русском, «Три игры мужей» – с неперенной борьбой, лазаньям по шестам за призами и прочими утехами бурятов. Сентябрьское солнце нещадно пекло, в воздухе висела пыль, но праздник это не портило. Неприхотливый народ поглощал неимоверное количество позов (бурятский аналог пельменей, мант или хинкалов), запивал их ведрами чая, разглядывал и даже изредка покупал сувениры, шумно подбадривал борцов, стоял в очереди в наскоро сколоченный туалет, молил о милости небес у субурдана и запасался кубометрами целебной воды... Часам к четырем пополудни мужи закончили игры и стали разъезжаться. Нужно было немного отдохнуть и спешить в Иволгинский дацан – занимать очередь на свидание с Итигэловым.

Допуск к телу открывался в 9 вечера, но уже в 8 часов небо над дацаном звенело и вибрировало от торжественных буддийских песнопений, а у входа в дуган, где установили саркофаг с телом, волновалась темная тяжелая толпа. К девяти вечера хвост очереди далеко выполз в степь за ограду дацана... Покровительство Янжимы Васильевой помогло нам с Маргаритой Андреевной пробиться в дуган сквозь тройной кордон монахов. В полутемном, с высоким потолком, пышно разукрашенном храме сияло затмевающее всю прочую позолоту пятно – золотой халат Итигэлова. Он сидел в своем стеклянном ящике на возвышении напротив двери, у «алтарной» стены дугана. К нему уже тянулась очередь – очередь допущенных без очереди.

Пристроившись последним, я срочно стал перетряхивать ум и душу в поисках заветного или хотя бы по-настоящему искреннего желания. У Великого Ламы полагалось что-то обязательно попросить, и я никак не собирался упускать такой случай, но попросить что-то действительно насущно необходимое. Отыскать его в себе оказалось невероятно трудно... особенно в ползущей очереди, особенно если сзади непрерывно кашляют в кулак и шмыгают мокрым носом... Очередь неумолимо тащила меня к Итигэлову, а я так и не смог ничего выбрать. Пусть Великий Лама сам определит, что мне нужно, ведь он должен видеть меня насквозь, решил я и предстал перед ним с абсолютно пустой головой. Может быть, именно так и следовало?.. Приподнявшись на носках, я положил к ногам Итигэлова подношение – белый шелковый шарф, предусмотрительно врученный Янжимой, и прикоснулся к ткани, закрывающей ноги. На ту минуту, что я стоял перед Ламой, я превратился в зрение и только в зрение. Смотрел во все глаза, но... но словно не увидел его лица. Оно каким-то странным образом ускользало от восприятия. Его будто не было. Весь облаченный в отливающий золотом халат Итигэлов был, а взятого отдельно лица – не было...

Тем временем в храм начали пускать паломников. Очередь пошла веселее, двое лам, стоявших на страже возле саркофага, не успевали убирать шарфы—подношения, а расставленные по дугану объемистые прозрачные кубы быстро наполнялись купюрами... Мы выбрались на воздух. В ночи перед храмом все так же тяжело, как море, колыхалась тысячеголовая толпа,

и казалось, что весь дацан, словно древний ковчег, плывет по звездному пути под торжественные звуки песнопений.

...В гостиницу мы вернулись за полночь, а в 7 утра нужно было снова отправляться в дацан – настоящий хурал еще не начинался. Ночью мне стало худо: трещала голова, саднило горло. Видимо, соседство с кашлявшим мне в спину простуженным паломником не прошло даром... В машине, то и дело застревавшей в пробках (казалось, к Итигэлову спешил весь Улан-Удэ), я с трудом представлял, как высижу трехчасовую службу, но при виде золотого халата Великого Ламы недомогание быстро ушло и больше не возвращалось. «Это он меня вылечил», – сообразил я и снова превратился в глаза и уши.

На праздничной литургии, кроме высших духовных лиц, присутствовали и какие-то светские персоны, судя по почтению, с которым их встречали, весьма и весьма важные. Они приходили и уходили, на место ушедших являлись новые. Многие вручали ламе-распорядителю толстые пачки денег, тот по чинам раздавал бумажки иерархам, которые брали их, не отрываясь от сложного и красивого ритуального действия... Положено сие или нет в буддизме, не знаю и не берусь судить. Чужой монастырь – чужой устав.

Великий Лама Итигэлов со своего возвышения снисходительно взирал на суету в его честь – так смотрят взрослые на ужасно серьезные, «всамделишные» ребячьи игры. На его лице, а издалека оно воспринималась гораздо отчетливей, чем вблизи, временами появлялась вольтеровская усмешка. Так мне казалось с того места, где я сидел. Не исключая – только казалось. Мне казалось, что наклон тела Итигэлова на протяжении трех часов службы не раз изменился, что фигура в целом, голова, лицо выглядели для наблюдателя по-разному... Может быть, это была просто игра света и теней. Хотя в том, что у человека, сидящего в позе лотоса, позвоночник отклоняется от вертикали на сантиметр в ту или иную сторону, не было, наверно, ничего необычного.

Дорожные знаки

Через день мы улетели в Москву. Теперь нужно было держать ответ перед Олегом Валерьевичем за потраченные деньги и предъявлять результаты.

Увы, собственно научные результаты экспедиции оказались очень скудными. Того, что намерила шумомером Маргарита Андреевна, вернее, того, что ей разрешили измерить, явно не хватало для превращения выдвинутых до поездки гипотетических предположений в доказательную теорию. Кроме того, Кулакова испортила отношения с Янжимой Васильевой, когда попыталась надавить на Янжиму, дабы получить непосредственный доступ к телу, но разрешения не получила и только закрыла себе перспективу.

Научно-философские или, может быть, мировоззренческие или, возможно, футурологические итоги выглядели куда весомее. Собственно, они были у всех на виду, но, чтобы разглядеть их, требовалось немного изменить угол зрения.

Уже в первый день на бурятской земле – кстати, со слов той же Васильевой и ее сотрудников – стало понятно, что феномен превратился в нечто гораздо большее, чем артефакт буддизма благодаря чудесам, сотворенным вернувшимся Итигэловым.

Чудо первое: о том, что лама извлечен из могилы, не предполагалось оповещать весь мир, но информация широко распространилась и продолжает распространяться по планете. Глава буддистов России Аюшеев уподобил тело Итигэлова небольшому солнцу, испускающему лучи, или реактору, отправляющему потоки нейтронов, которые, несмотря ни на какие преграды, достигают нужного человека.

Чудо второе: о том, что среди паломников случаются исцеления, что в судьбах людей происходят обнадеживающие сдвиги («положительная коррекция кармы»), не только не трубили на весь белый свет, но всячески приглушали информацию. Но число паломников множится и множится. Отчего? Оттого, по словам Аюшеева, что люди, услышав про феномен, удивляются и начинают размышлять, а размышляя, созревают, обнаруживая в себе тягу к запредельному, которой раньше не было, и устремляются на встречу с ним, а встреча изменяет привычную жизнь и навсегда остается в памяти.

Чудо третье: как полагают российские буддисты, есть основания говорить об исполнении пророчества Будды Шакьямуни, предсказавшего широкое распространение его учения в холодных северных странах, и даже о том, что мировой центр буддизма, учитывая двусмысленное положение Далай-ламы, перемещается из Индии в Россию.

Три этих чуда – знаки превращения Итигэлова в феномен мирового масштаба. Паломники стекаются к нему со всей России, из Европы и Азии, прилетают из-за океана. Что означает его появление именно в данном месте – в России? Именно в данное время – на стыке веков, тысячелетий и эпох? К каким выводам он нас подталкивает? К каким изменениям призывает? Не является ли феномен каким-то «дорожным знаком», «указателем» пути? Можем ли мы расшифровать то чрезвычайно важное сообщение, что он несет? Возможно, оно содержит чертеж строительства какого-то нового мира, план перехода к новому способу существования. Возможно, в «послании Итигэлова» таятся иные грандиозные вещи, которые мы просто не способны себе представить из-за лени, невежества, тупости, недаром считающихся в буддизме смертными грехами, узости кругозора, почти полной и поголовной погруженности в материальное.

Правда, кое-что все-таки понятно. Если вычленишь из проблемы технологическую часть – те самые технологии жизнеобеспечения, столь необходимые многим и многим, то феномен недвусмысленно указывает на их природу. Это так называемые резонансные технологии.

Они распределены по двум группам.

Первая группа – технологии энергетической подпитки, иначе, усвоения энергии в форме звука и света или цвета.

Вторая группа – социальные технологии.

Резонанс

Вот первый поразительный и при том совершенно очевидный факт, почему-то обычно ускользающий от внимания.

На протяжении 80 с лишним лет Итигэлов демонстрирует пример так называемой автотрофности – существования или квазисуществования без пищи и воды. (Интересно, что проблему автотрофности человека поставил русский космизм в лице С. А. Подолинского, а затем и В. И. Вернадского.) Автотрофность возможна лишь за счет прямого усвоения энергии, получаемой из неизвестного нам источника. И в случае Итигэлова такое усвоение происходит, иначе параметры тела усопшего 80 с лишним лет назад ламы не соответствовали бы всем параметрам тела живого человека. Физическая смерть определяется неспособностью организма производить внешнюю работу, то есть это такое состояние, когда организм не в силах тратить энергию и получать ее извне. Тело Итигэлова этому критерию не подчиняется, полагает один из серьезных исследователей феномена профессор Борис Большаков из подмосковного университета природы, общества и человека «Дубна», чьи соображения, собственно, и подвигли бизнесмена Олега Валерьевича организовать экспедицию в Бурятию. Раз тело не гниет и не разлагается, утверждает Большаков, раз его температура 20 градусов, раз за годы пребывания в Иволгинском дацане у него потемнели волосы, раз от него исходит тепло, раз стекло «саркофага» запотеваает изнутри, раз лицо покрывается потом, но вес сохраняется практически неизменным, – то это говорит об энергообмене со средой, о наличии двух противоположных процессов – наборе и потере энергии.

Что служит источником энергии? – задался вопросом Б. Большаков. Свет? Если так, то Итигэлова можно уподобить растению, строящему свое тело из квантов света, превращающихся в химические элементы благодаря реакции холодного ядерного синтеза. Но доступа естественного света в помещение на втором этаже дугана нет, искусственного освещения там тоже нет, проникает лишь тусклый свет с первого этажа. Тело не испытывает никаких воздействий, которые можно было бы считать источником энергоподпитки. Тогда каким же образом поддерживается энергетический баланс?

За счет молитвы. К этому выводу не мог не прийти исследователь, когда узнал, что у тела дважды в день читают молитву, созвучную молитве любви. *«Мне ничего не оставалось сделать, как объяснить сохранение энергетического баланса тем, что Итигэлов получает подпитку через поток частот, – говорит Борис Большаков. – Любое произнесенное слово – это вибрация, любая молитва – это поток частот... Для того, чтобы получать поток энергии, нужно задействовать определенный поток частот. А для того, чтобы образуемая при этом мощность была синхронизована с мощностью организма, нужно подавать не какой-то абстрактный поток частот, а тот, который образуется от слова «любовь». Ведь когда Итигэлов уходил, когда его погружали в яму, то читали определенную молитву. Он уже тогда находился в гармонии с определенной частотой. Чтобы оставаться в гармонии с этой частотой и дальше, ее нужно воспроизводить. Она сейчас воспроизводится в дацане через молитву, где стабильным и доминирующим является звук, который находится в резонансной синхронизации со звуковыми колебаниями, исходящими от слова «любовь».*

Примеров такой – частотной резонансной энергоподпитки – известно сколько угодно. Это, скажем, многочисленные свидетельства исцеления молитвой, исцеления музыкой, цветомузыкой, просто словом, в том числе задокументированные официальными медицинскими организациями. Это случаи вдруг открывшихся способностей, обретения невероятной силы, выхода из безнадежных ситуаций. Это вспышки озарений... В отдельных случаях подпитка бывает настолько мощной, что приводит к левитации – именно поэтому левитирует Сандаловый Будда из Эгитуйского дацана. Статуя настолько «намолена», что во время богослужений

с согласованным чтением молитв отрывается от пола благодаря явлению резонансной синхронизации. Объясняя механизм энергоснабжения организма Итигэлова, профессор Б. Большаков говорит, что, уходя в иной мир, тот находился в резонансе с определенными молитвами, поэтому сейчас резонанс каждый раз достигается при воспроизведении тех же частот, то есть при чтении тех же молитв. То же, но в значительно усиленном варианте наблюдается и в случае Сандалового Будды. Что естественно: здесь механизм совершенствовался на протяжении двух с половиной тысяч лет.

Этот механизм, наблюдаемый даже при поверхностном изучении буддистских святынь, есть механизм резонансной синхронизации. Он-то и может (или, лучше сказать, должен) лечь в основу технологий жизнеобеспечения.

Социальная магия

Вот еще один поразительный факт. Он тоже у всех на виду и, может быть, поэтому ускользает от осмысления. Этот факт – вереницы обязательных молитвенных барабанов по периметру дацанов.

Буддистское предание рассказывает, что их дал своим ученикам-крестьянам, неграмотным и не имеющим времени заниматься духовными практиками, сам Будда Шакьямуни. Он же научил вывешивать молитвенные лоскутки. И то, и другое – духовные, магические инструменты, Молитвы и мантры записываются на длинных полосах пергаментной бумаги и закладываются в барабаны. Одна молитва или мантра повторяется в одном барабане не менее 100 тысяч раз, и поэтому один оборот барабана дает стотысячекратное повторение магического заклинания. Вращая барабан, человек «начитывает» молитву или мантру, как будто бы произносил их вслух, и «накапливает добродетель». «Накапливание» происходит и в том случае, когда молитвы и мантры с вывешенных человеком молитвенных лоскутков «считывает ветер».

Теперь посмотрим на это дело с точки зрения концепции резонансной синхронизации. Каждая из закладываемых в барабан молитв или мантр представляет собой определенный частотный «пакет», а вращающийся молитвенный барабан есть не что иное, как излучатель «пакетов». При одновременном вращении нескольких барабанов происходит множественное наложение частот и возникает резонанс – однократный или множественный. Резонанс чего? Благопожеланий молитв или заклинаний мантр. Благопожелания и заклинания такого рода всегда несут в себе только добро и любовь. Усиленные резонансом вибрации добра и любви пронизывают пространство и делают жизнь лучше, мягче, человечнее, добрее...

Следовательно, духовные в своей основе практики буддизма способны трансформироваться в социальные технологии. И их основоположником следует признать не кого-то, а самого Будду Шакьямуни. Да и вообще резонансные технологии издревле использовались для решения социальных проблем. Например, для подавления эпидемий с помощью колокольного звона, то есть, путем подбора объекта, излучающего на той же частоте.

Но ведь в резонанс подобным образом можно вводить частотные «пакеты» не только религиозного, но любого содержания, в том числе социального. Правда, для этого социальные цели, задачи, пожелания необходимо выразить в виде «мантр», представить коротко, емко, афористично, образно (как, скажем, это умеют делать китайцы), превратить в «социальные заклинания» (не в уничижительном смысле, а чисто формально), в «мантроподобные» энергетические структуры, с которыми сможет работать «социальная магия». Потребность в ней просто колоссальна, а опыта такой работы в России нет. Поэтому предстоит учиться у буддистов, преодолевая лень и порожденные ей тупость и невежество – те грехи, тяжесть которых мы постоянно ощущаем собственными плечами.

А если стержнем частотного «пакета» сделать информацию о чуде, то действенность социальной магии возрастет! Ведь чудо, обратимся к образу Дамбы Аюшеева, действительно испускает радиацию определенного свойства, оно, словно ядерный реактор, бомбардирует вас градом заряженных частиц, которые, несмотря ни на что, достигают цели. Эти излучения несут в себе информацию о самом чуде. Ее можно сделать, как говорится в радиотехнике, несущей частотой, а на других частотах «пакета» разместить любую другую информацию. Например, информацию нравственного характера, просветительскую, политическую, религиозную, научную, социальную. Воздействие этой информации, упакованной в одну волну с чудом, будет многократно усиливаться благодаря гигантскому – «чудовищному» – потенциалу чуда. А о том, что его потенциал действительно велик, на своем языке не раз предупреждали буддистские философы. Какое учение вы слышите, когда видите нетленное тело учителя? – спрашивают учеников наставники. На нашем светском языке вопрос прозвучит так: в каких мыслях, идеях

вы укрепляетесь, когда видите чудо? Чтобы вы укреплялись в нужных мыслях и идеях, их надо предложить в сопровождении информации о чуде. Речь идет, по сути, о технологиях формирования сознания, но это совершенно обычное и необходимое дело и обычная социальная практика.

Пусть не покажется странным, но эти технологии, кажется, использует сам... Будда Итигэлов. Тому есть документальное свидетельство – анкеты с ответами паломников. На протяжении нескольких лет Институт Васильевой проводит опросы среди съезжающихся поклониться Великому Ламе. В анкетах значатся три простых вопроса. Людей спрашивают, что они ожидают увидеть и ощутить и что реально видят и чувствуют, на какие положительные изменения в жизни после встречи с чудом надеялись, и какие перемены действительно произошли. Ответы, по словам сотрудников Института, показывают, что идет медленный, но неуклонный процесс расширения сознания паломников, а значит и всего народа, ведь паломники – его представители. Если в первый год поклонения Итигэлову люди надеялись, что свидание с Ламой принесет желанные перемены им и их близким, до прочих им дела не было, и просили в основном об исцелении или материальном благополучии, то в последующие годы стали нарастать коллективистские, общезначимые, общественные мотивы.

Поверхностный контент-анализ ответов, проведенный журналистом А. Тарасовым, показывает, что при встрече паломники испытывали спокойствие, легкость, умиротворение, удивление, восторг, восхищение, надежду, одухотворенность, трепет, благодарность, облегчение души, экстаз, что, вобщем-то, вполне понятно и естественно. А вот учащающиеся «продвинутые» ответы: «появилось ощущение общности», «чувства особенные, еще непонятные», «хочется, чтобы всем живым существам было хорошо и покойно». На вопрос «что изменилось у вас после встречи с Хамбо ламой?» отвечают так: «Изменился взгляд на будущее», «Думаю», «Изменился кругозор и взгляды на многие поступки в моей жизни, нет суеты», «Все изменилось к лучшему, все сбывается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.